

МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

Записки Войска Донскаго генераль-лейтенанта Якова Петровича
Бакланова*).

V.

Въ 1863 году въ маѣ мѣсяцѣ изъ должности оружнаго генерала въ землѣ Войска Донскаго, по высочайшему повелѣнію, командированъ я въ Вильну въ распоряженіе генераль-отъ-инфантеріи Муравьева. По прибытіи получилъ назначеніе завѣдывать всѣми донскими полками въ округѣ состоящими. Я принялъ новое назначеніе тѣмъ съ большою радостью, что надъ дорогимъ отечествомъ висѣла грозная туча: всѣ ждали, что западная Европа двинетъ на насъ свои полчища...

Въ концѣ 1863 г. Августовская губернія подчинена Муравьеву. Для принятія и управленія ею онъ командировалъ меня, съ правомъ судить участвовавшихъ въ мятежѣ, приговаривать виновныхъ къ смертной казни, къ ссылкѣ въ каторжныя работы, и въ Сибирь на поселеніе, и не ожидая его конфирмацій, приводитъ приговоры въ исполненіе; при этомъ я долженъ былъ обо всемъ доносить Муравьеву подробно.

Наканунѣ выѣзда моего явясъ вечеромъ къ Муравьеву, для полученія личныхъ приказаній, я счелъ долгомъ объяснить ему, что вся Августовская губернія оставлена беззащитною; находящіяся тамъ войска стянуты въ города и мѣстечки. Повстанцы хозяйничаютъ въ селеніяхъ, какъ у себя дома, и, по моему соображенію, беззащитный людъ, по требованію ихъ, даетъ все,

*) Смѣotr. «Русскую Старину» 1871 г., т III-я, ст. 1—15.

что имъ нужно; то какъ онъ прикажетъ мнѣ смотрѣть на уступчивость повстанцамъ со стороны жителей?

Муравьевъ, перебивъ мой докладъ, спросилъ: «а отъ кого вы имѣете такія свѣдѣнія, не бывши въ той губерніи?»

Я отвѣчалъ, что эти свѣдѣнія переданы мнѣ многими донскими офицерами, которые, преслѣдуя повстанцовъ, вдавались далеко въ глубь губерніи, и всюду слышали ропотъ отъ жителей, что они оставлены безъ защиты со стороны мѣстныхъ войскъ.

— «Такъ или иначе, сказала Муравьевъ, а должны отвѣчать, по всей строгости закона, всѣ тѣ лица, кто позволилъ себѣ снабжать повстанцовъ чѣмъ-бы то ни было. Вы напрасно трудитесь дѣлать мнѣ подобные вопросы; у васъ есть въ рукахъ полнѣйшія мои инструкціи, по которымъ прошу дѣйствовать безъ всякихъ разсужденій».

На это я ему сказала слѣдующее:— «Позвольте мнѣ ваше превосходительство сдѣлать вамъ нескромный вопросъ объ одномъ предметѣ, который въ инструкціяхъ вашихъ не предусмотрѣнъ».

— «Говорите, я слушаю васъ».

— «Поставьте себя на мѣсто поселянна Августовской губерніи; еслибъ къ вамъ, беззащитному, явились повстанцы съ требованіемъ имъ нужнаго, и, въ случаѣ вашего отказа, вамъ угрожала-бы смерть, то рѣшились-бы вы на послѣднее?»

Муравьевъ, подумавши немного, сказалъ:— «Жизнь для каждаго дорога, вы правы вашимъ докладомъ. Прошу васъ смотрѣть на сдѣланныя жителями послабки мятежникамъ съвозъ пальцы; но если при васъ это позволить себѣ снабжать повстанцовъ, не падить!»

18 сентября, съ войсками, состоящими изъ 22-хъ ротъ пѣхоты, полковъ: преображенскаго, измайловскаго и семеновскаго, съ полками драгунскимъ и донскимъ казачьимъ, двинулся я изъ Вильны слѣдующимъ порядкомъ: генераль-майоровъ Дубельта и князя Барятинскаго, съ частями войскъ, направилъ по желѣзной дорогѣ черезъ Ковно. Первый, по прибытіи въ Вилковишки, долженъ былъ идти къ городу Кальварія; второй, высадившись въ Коцловой Руди, перейдя Нѣманъ, слѣдуетъ черезъ мѣстечко Серію въ Сейны. Обоиимъ приказано тщательно осмотрѣть всѣ прилегающія къ ихъ пути боковыя мѣста; дойдя до назначен-

ныхъ мѣсть, если не встрѣтятъ мятежниковъ, остановиться, и ожидать дальнѣйшихъ моихъ распоряженій; я же съ моими войсками по желѣзной дорогѣ прибылъ въ городъ Гродно, при чемъ отдѣливъ часть войскъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Дена, направилъ ихъ, чрезъ дамбовый шлюзъ (на Августовскомъ каналѣ), на мѣстечко Граево, съ тѣмъ, чтобъ дойдя до него, повернуть круто лѣвнымъ плечомъ, раскинувъ на далекое разстояніе боковые конные разъѣзды; затѣмъ двинуться къ Райграду, на пути осмотрѣть всѣ лѣса; по прибытіи въ Райградъ, остановиться и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Съ остальными частями войскъ, чрезъ мѣстечко Липскъ, я двинулся къ городу Августову; отъ него прошолъ по Августовскому каналу, по направленію къ Нѣману въ мѣстечко Сапочкинъ; чрезъ м. Сейны прибылъ въ городъ Сувалки, оставивъ въ Липскѣ и Сапочкинѣ самостоятельные отряды; цѣль таковаго раздробленія моихъ войскъ была та, чтобы разомъ, со всѣхъ сторонъ охватить всю губернію и очистить отъ бандъ.

Генераль Дубельтъ, на пути слѣдованія въ Кальварію, отрывъ незначительную партію, всю ее уничтожилъ. Князь Барятинскій, между Серію и Сейнами, настгъ значительную партію: изъ нея никто не спасся, а легли востыми.

Со вступленіемъ моимъ въ управленіе Августовской губерніей, всѣ, бывшія до моего прихода, войска, принадлежавшія къ варшавскому округу, двинулись въ распоряженіе графа Берга. Изъ Сувалокъ ко всѣмъ начальникамъ частей моихъ войскъ, стоявшихъ въ Кальваріи, Сейнахъ, Сапочкинѣ и Райградѣ, послана мною дислокація, съ указаніемъ каждому району, съ строгимъ обязательствомъ осматривать ежедневно, посредствомъ сильныхъ конныхъ разъѣздовъ, всѣ входящія въ районъ мѣстности, а ежели укажетъ надобность, откомандировывать отдѣльныя части пѣхоты, для занятія болѣе важныхъ мѣсть. Въмѣстѣ съ тѣмъ сообщено всѣмъ жителямъ разрѣшеніе мое, въ случаяхъ появленія мятежниковъ, при требованіи ими продовольствія, не подвергая себя разнымъ истязаніямъ за отказы, давать все, и за это отвѣтственности никто не подвергнется, но только при соблюденіи слѣдующихъ условій: по выходѣ мятежниковъ, въ ту же минуту сообщать о томъ ближайшимъ войскамъ, или разъѣзду, съ указаніемъ куда мятежники направились. Если-жъ кто-либо не исполнитъ моего распоряженія и не дастъ знать своевременно, какъ это не

рѣдко бывало до моего прихода, то все имущество виновныхъ будетъ разграблено, жилище сожжено; а сами, отъ мала до велика, поплатятся жизнью. Сознаю самъ, что мѣра эта слишкомъ жестока; многіе вправѣ назвать ее варварскою, но, благодаря Бога, не пришлось такой угрозы приводить въ исполненіе, а чрезъ двѣ недѣли о бандлахъ не было слуху: совершенное спокойствіе водворилось по всей губерніи.

До моего прибытія въ Августовскую губернію, никто не могъ въ ней пускаться безъ конвоя, а почты изъ Сувалокъ въ м. Ломжу отправлялись подъ прикрытіемъ роты пѣхоты.

Вотъ случай. Чрезъ 15 дней по вступленіи моемъ въ управленіе отдѣломъ, является сувалекскій почтмейстеръ съ докладомъ. Начинается между нами слѣдующій разговоръ:

— Ваше превосходительство, почта готова къ отправленію.

— Ну, такъ чтожь, за чѣмъ у васъ остановка; съ Богомъ, въ путь.

— Ваше превосходительство, нуженъ конвой.

— Это зачѣмъ?

— Ваше превосходительство, предмѣстниками вашими почта отправлялась подъ сильнымъ конвоемъ.

— А при мнѣ — безъ одинаго человѣка, кромѣ ямщика, да вашего, господинъ почтмейстеръ, почталіона.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, если ее разграбятъ?

— А, понимаю, вы хотите сказать на кого тогда падеть отвѣтственность? Я ее беру на себя, и посмотрю какъ оборванцы воспользуются ею. Вамъ же приказываю сейчасъ отправить почту съ однимъ почталіономъ.

Почта до Ломжи прошла благополучно, равно и послѣдующія за ней. Въ объясненіе моей увѣренности, что никто не нападетъ на почту, долженъ указать на очень простую причину: всѣмъ владѣльцамъ земель было отъ меня объявлено, ежели, сверхъ чаянія, случится на ихъ землѣ какое-либо происшествіе, они отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ и головами. Этою мѣрою я заставилъ ихъ оберегать свои владѣнія и жизнь; они были увѣрены, что приговоръ мой будетъ исполненъ въ точности, ибо общее ихъ обо мнѣ убѣжденіе было то, что я чело-

вѣтъ дикій и варваръ, какъ гуннъ, и что я не питаюсь мясомъ животныхъ, а пожираю дѣтей.

Таковое обо мнѣ мнѣніе мѣстныхъ польскихъ жителей случайно отерылъ мой адъютантъ, на мызѣ Ятршебно, когда остановился здѣсь съ войсками на дневку, и для осмотра окрестныхъ лѣсовъ. Жена арендатора, блѣдная какъ смерть, обращается къ адъютанту съ вопросомъ на польскомъ языкѣ:

«Повѣдъ мнѣ, коханный адъютантъ, втурыхъ панъ янараль уважа дѣти, тлустыхъ альбо мизерныхъ?»

Адъютантъ, посмотрѣвши на нее, отвѣчалъ: «ни того, ни другого, моя пани».

Когда онъ передалъ мнѣ объ этомъ, я строго запретилъ опровергать такіе толки, а напротивъ поддерживать, потому что подобное настроеніе умовъ много поможетъ къ водворенію спокойствія въ губерніи.

По справкамъ оказалось, когда арендаторъ узналъ, что я иду на его мызу, дѣтей своихъ, отъ мала до велика, отправилъ за пять миль къ родственникамъ. Впослѣдствіи я видѣлъ арендаторшу и шутливо вспоминалъ объ ея страхѣ; она, блѣдная, краснѣла какъ вареный ракъ.

12 октября 1863 г. я получилъ предписаніе отъ Муравьева: заарестовавъ поименованныхъ въ присланномъ ко мнѣ спискѣ лицъ, доставить ихъ въ Вильну, для отправленія въ отдаленныя губерніи на житье. Такое распоряженіе сильно возмутило меня: не обнаруживъ слѣдственнымъ путемъ виновность, схватывать и ссылатъ; я счелъ это произволомъ, чего не должно быть допускаемо никѣмъ. Я вознамѣрился не исполнять полученнаго распоряженія, но обсудивши, что ни къ чему не поведетъ мой протестъ, остановился до удобнаго случая. Изъ числа заарестованныхъ и отосланныхъ въ Вильну чрезъ нѣсколько дней возвращены на свободу, совѣтникъ губернскаго правленія Любинскій и секретарь магистрата Любанскій, а президентъ города Сувалокъ Ростишевскій сосланъ въ Уфу. По выѣздѣ его, жена слегла въ постель и чрезъ мѣсяць сошла въ могилу, — остались дѣти круглыми сиротами: дочь 16 лѣтъ, два сына 9-ти и 6-ти лѣтъ, безъ крова и насущнаго хлѣба. Отецъ, какъ послѣ я узналъ, былъ человѣкъ честный, при занимаемой должности избѣгалъ взятокъ, довольствовался получаемымъ содержаніемъ, и

былъ чуждъ мятежу. По смерти матери, дѣти съ воплемъ обратились ко мнѣ, прося спасти ихъ отъ нищеты, возвративъ имъ отца. Я не былъ въ силахъ удовлетворить ихъ просьбы; но не дѣлая явнаго отказа, утѣшалъ, что со временемъ отецъ будетъ имъ возвращенъ.

По принятіи мною отѣла, я первымъ долгомъ счелъ осмотрѣть тюрьмы. Въ нихъ я нашелъ столько заключенныхъ моими предѣстниками, что, какъ говорится, они сидѣли тамъ, какъ въ бочкахъ сельдей набиваютъ. По наведеннымъ справкамъ въ военно-слѣдственной и судной комиссіяхъ, о многихъ изъ арестованныхъ не только не было вовсе письменныхъ уликъ въ какихъ-либо преступленіяхъ, но даже неизвѣстно, кѣмъ они были заарестованы и когда. Я приказалъ составить таковымъ списки, и затѣмъ выпустилъ ихъ на свободу въ два періода: въ первый день новаго года, и въ день пасхи по 60 человекъ. Съ восходомъ солнца, въ назначенный день эта толпа освобожденныхъ ринулась бѣжать по всѣмъ улицамъ; многіе падали на землю и въ слезахъ цѣловали ее. Виновные-жъ остались въ заключеніи, судились военнымъ судомъ, нѣкоторые приговаривались къ смертной казни, но моею конfirmaціе замѣнялась она ссылкой въ каторжныя работы. Казненныхъ было семь человекъ, вполне заслужившихъ такое возмездіе. Имѣнія сосланныхъ въ Сибирь мною не были конфискованы, хотя въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ строго это требовалось, а оставались неприкосновенными во владѣніи наследниковъ.

Нашлись доброжелатели предстать предъ Муравьева съ увѣреніями, что такое смягчительное мое рѣшеніе надъ подсудимыми, не что иное, какъ употребленіе съ моей стороны во зло его довѣренности.

Муравьевъ колебался.

Изъ получаемыхъ мною отъ него колкихъ бумагъ я понялъ, что противъ меня образовалась интрига.

Я рѣшился ѣхать въ Вильну и объясниться лично. По прибытіи въ Вильну вечеромъ, прямо съ вокзала желѣзной дороги, явился къ Муравьеву; былъ очень холодно имъ принятъ, но послѣ жаркихъ объясненій относительно неприкосновенности имѣній, принадлежащихъ сосланнымъ въ Сибирь лицамъ, онъ видимо началъ смягчаться, а когда дѣло дошло до объясненій причинъ,

заставившихъ меня замѣнять смертную казнь ссылкой въ Сибирь, въ каторжныя работы, то вотъ, слово въ слово, что я сказалъ Муравьеву:

— «Ваше превосходительство! теперь не начало возмущенія 1863 года, а окончаніе; въ моментъ разгара бунта, попадались подъ ножъ и веревку виноватые и правые, послѣднихъ тогда никто не замѣчалъ; въ 1863 году мы казнили за преступленія, а въ настоящемъ году казнимъ изъ мщенія; по моему мнѣнію крутыя мѣры, какъ-бы ни были жестоки, должны приводиться надъ противникомъ своевременно, а не тогда, когда онъ уничтоженъ и безсиленъ. Мои понятія не могутъ сходитьсѣ съ вашими, а поэтому позвольте мнѣ не возвращаться въ Сувалки, а уѣхать на Донъ; пошлите на мѣсто меня другого генерала, которому я обязуюсь передать отдѣлъ въ 24 часа. Разставаясь съ вами, я хочу до конца говорить вамъ правду въ глаза. Управляя отдѣломъ не именемъ моимъ, а вашимъ, я старался не наложить на имя ваше чорнаго пятна. На Литвѣ имя ваше злословятъ, но могу васъ увѣрить, что въ Августовской губерніи его благословляютъ».

Выслушавши мое горячее слово, Муравьевъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Счастливъ былъ-бы я, еслибъ имѣлъ всѣхъ такихъ правдивыхъ помощниковъ, какъ вы, но увѣ!..... Поѣзжайте обратно въ Сувалки, поступайте такъ же добросовѣстно, какъ вы это дѣлали до настоящей минуты».

Поклонившись ему, я началъ просить возвратитъ президента Ростишевскаго къ осиротѣвшимъ дѣтямъ

Онъ съ запальчивостью мнѣ отвѣчалъ: «Теперь не время намъ разсуждать объ участи дѣтей. На возвратъ — не могу согласиться потому, что я просилъ Государя, ни въ какомъ случаѣ всѣхъ сосланныхъ не возвращать на родину, и они должны тамъ перемереть».

Я видѣлъ, что дальнѣйшее мое домогательство будетъ бесполезно; тѣмъ не менѣе попросилъ его выслушать, что тяготитъ мою совѣсть. Онъ согласился.

— «Ваше превосходительство, не позволяю себѣ болѣе утруждать васъ моею просьбою о возвратѣ Ростишевскаго, и не стану говорить, какая будущность ожидаетъ его сыновей, но скажу о дочери: при нищетѣ еѣ ожидаетъ стыдъ, страхъ, позоръ, и б.....

Выяснивъ моему начальнику все то, что можетъ случиться съ этою несчастною сиротою, этимъ я очистилъ свою совѣсть; но будетъ ли легко для вашей души, вы сами будете знать, какъ отецъ семейства».

Сказавъ это, я поклонился и, повернувшись, хотѣлъ выйти, но Муравьевъ остановилъ меня:

— «Яковъ Петровичъ, всякое возвращеніе сосланныхъ на родину немислимо; но этому горю можно помочь. Я попрошу васъ написать мнѣ рапортъ, въ такомъ родѣ, что Ростишевскій вамъ необходимъ при производимыхъ дѣлахъ. По этому рапорту изъ Уфы онъ будетъ съ жандармомъ прямо доставленъ къ вамъ, и располагайте имъ, какъ вы сами знаете».

Рапортъ былъ поданъ. Черезъ мѣсяцъ Ростишевскій доставленъ ко мнѣ въ Сувалки. Водворивъ его на мѣсто жительства, я донесъ Муравьеву, что Ростишевскій оказался совершенно правымъ и къ ссыльѣ на житыѣ въ отдаленныя губерніи не подлежитъ.

Муравьевъ въ общественномъ мнѣніи считается варваромъ, а вмѣстѣ съ нимъ и азъ многогрѣшный. Дѣйствія Муравьева подлежатъ суду исторіи — и она произнесетъ свой приговоръ, безъ сомнѣнія, вчужѣ отъ пристрастія и увлеченій современниковъ; что же касается до меня, то я не произнесу въ свое оправданіе ни одного слова, а попрошу всѣхъ и cadaго, кто только желаетъ, спросить перваго встрѣчнаго поляка или польку изъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Августовской; до какой степени я былъ для нихъ варваромъ? и какой получится на мой счетъ отвѣтъ, прошу вѣрить слѣпо.

Этимъ я закончу настоящій отрывокъ изъ моихъ записокъ.

1871 г. Слб.

Яковъ Василановъ.